

УДК 821.161.1

https://doi.org/10.33619/2414-2948/103/93

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТЯХ В.БЫКОВА

©*Абдусаматова Л. Х., Институт социальных и политических наук,
г. Ташкент, Узбекистан, liliya@mail.ru*

ARTISTIC TIME AND SPACE IN THE STORIES OF V. BYKOV

©*Abdusamatova L., Institute of Social and Political Sciences,
Tashkent, Uzbekistan, liliya@mail.ru*

Аннотация. Анализ времени и пространства в художественном произведении – хронотоп является одним из наиболее актуальных проблем современных исследований. Цель работы познакомить специалистов с эстетической функцией хронотопа в повестях В.Быкова. Использована методика структурного, сравнительно-типологического и интертекстуального анализа. В ходе исследования выявлена роль ретроспекций. Ретроспекции В.Быкова сложны, автор рассматривает несколько временных пластов. Концепция времени обуславливает разрушение сюжета, который невозможно восстановить в хронологической (фабульной) последовательности. Примененное писателем изображение времени и пространства позволяет максимально лаконично и убедительно раскрыть характер человека в экстремальной ситуации. Результатом анализа является вывод о том, что повести В.Быкова являются значительным этапом эволюции художественного мышления.

Abstract. The analysis of time and space in a work of art - the chronotope is one of the most pressing problems of modern research. The purpose of the work is to acquaint specialists with the aesthetic function of the chronotope in the stories of V. Bykov. The technique of structural, comparative-typological and intertextual analysis was used. The study revealed the role of retrospections. V. Bykov's retrospectives are complex, the author examines several time layers. The concept of time causes the destruction of the plot, which cannot be restored in chronological (plot) sequence. The depiction of time and space used by the writer makes it possible to reveal the character of a person in an extreme situation as concisely and convincingly as possible. The result of the analysis is the conclusion that the stories of V. Bykov are a significant stage in the evolution of artistic thinking.

Ключевые слова: ретроспекция, время, пространство, хронотоп, художественная деталь, символ.

Keywords: retrospection, time, space, chronotope, artistic detail, symbol.

Исследование времени и пространства как эстетической категории является одной из наиболее актуальных в современном литературоведении [4-6].

Хронотоп и художественный образ являются ключевыми понятиями литературоведения. Термин впервые ввёл в литературоведение М. М. Бахтин: Хронотоп — «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного, художественного смысла» [2]. Материалом исследователей

хронотопа являлись преимущественно классические романы. Не менее важную функцию несут время пространство в повестях Василя Быкова.

И пространство, и время в повестях «Третья ракета» и «Альпийская баллада» всегда четко обозначены. Описание одного дня жизни семерых людей занимает почти весь объем текста в повести «Третья ракета». При наличии ведущего событийного развития с несложной фабулой возникают дополнительные линии, вводимые с помощью ретроспекций. Тесно переплетаясь с основным, сквозным действием, они служат обогащению читательского представления о героях. В повести «Третья ракета» реальные описываемые события занимают одни сутки. Но это только один временной план. Почти половину объема повести занимают ретроспекции, значительно расширяя границы времени и пространства. Почти каждый неэпизодический персонаж обладает ретроспективной характеристикой.

Неравномерно течет время относительно повествования. Так, кроме довоенного времени, герои вспоминают пребывание в госпитале, у каждого в разное время, но у всех, конечно, в период войны, а также военные события. Таким образом, время в ретроспекциях включает как давно прошедшее; так и недавнее: год-два, а порой и три-четыре месяца.

Время растягивается в прямой пропорциональности к экстремальности описываемых событий: чем сложнее, накаленнее обстановка, тем медленнее «идет» время, то есть тем подробнее оно описывается. Обостряется и чувство времени. Основной временной план – описание одного дня занимает более половины объема повести: «страшней, чем сегодня, мне никогда уже не будет» [1]. Здесь получили воплощение не только категории природного и исторического времени, но и специфические формы переживания времени повествователем. При описании событий на протяжении всей повести применяются глаголы настоящего времени, кроме ретроспекций и диалогов. И объем повести, и течение времени в ней подчинены одной задаче — передаче психологического состояния героя-повествователя. Поэтому менее напряженное время - ночь - описывается более обобщенно. Течение времени передается и здесь, ход его обозначается описанием луны. Эти описания мотивированы: герой-повествователь находится на посту. Время природы и время человеческой жизни вступают в теснейшее взаимодействие и взаимопроникновение. А течение времени днем, когда герои испытали невероятные физические и психологические нагрузки, отслеживается четко и конкретно — по часам. Художественная деталь — часы на руке убитого командира, рефреном проходящая через ткань повести, становится символом: человек умирает, жизнь останавливается, но время идет.

Границы времени и пространства в «Альпийской балладе», по сравнению с «Третьей ракетой», менее локализованы. Действие происходит в течение 2-3 суток, а границы пространства определяются тем расстоянием, которое успели преодолеть герои повести. Но это только в одном временном пласте. Ретроспекции занимают значительный объем текста. Концепция времени обуславливает разрушение сюжета, который невозможно восстановить в хронологической (фабульной) последовательности, невозможно пересказать. В ретроспекциях применяются различные повествовательные приемы: сны, а некоторые эпизоды по завершенности приближаются к вставным новеллам (сцена с поимкой Ивана в хате).

Ретроспекции вводятся в виде воспоминаний, что специально оговаривается: «Иван, будто издалека, впервые мысленно оглянулся на то, что произошло в этот адски мучительный день» [1, 7]. Каждая ретроспекция представляет собой законченный эпизод со своей завязкой, кульминацией и развязкой. Исход каждого эпизода нам заранее известен – пленение. Снимая фабульный интерес, писатель переключает внимание на выявление причин пленения, исследование поведения человека, оказавшегося в плену. «Не только романа или повести, но

даже рассказа нет у Василя Быкова, где бы не разыгрывалась та или иная нравственная коллизия, где бы не вставала проблема нравственного выбора» [3].

Ретроспективные эпизоды противопоставлены эпизодам основного плана повествования. Обыгрывается одна и та же ситуация — встреча пленного и мирного жителя. В основном временном плане Иван сталкивается с австрийцем, в ретроспективном — с жителями украинского села. Но австриец несмотря на то, что у него забрали хлеб и куртку, не выдает пленного, а на Украине Ивана возвращают в плен, причем не немцы, а местные жители.

Еще одна форма ретроспекции – сон. «Всякий раз ему снился *один и тот же* сон: уже больше года почти каждую ночь он заново переживал муки одного дня войны» [1] — допущенная гипербола позволяет осознать ужас человека, по воле обстоятельств оказавшегося в плену. Назойливо-мучительно вспоминает Иван свои неудачи при попытках побега из концлагеря и сам момент пленения. Подробно и скрупулезно исследуется писателем обстоятельства пленения, психология человека, попавшего в плен. Момент пленения рассматривается с трех точек зрения: 1) сон — подсознательная оценка; 2) ретроспективный анализ в форме несобственно-прямой речи, приближающейся к внутреннему монологу: «никогда не считал себя лично ни героем, ни смельчаком. Будь он решительнее, наверное, не дал бы себя взять в плен, что-то предпринял бы в самый последний момент, который определил навсегда его прошлое и будущее. Наверное, надо было прикончить себя» [1]; 3) объективная оценка — факты, поступки персонажа. В момент пленения был тяжело ранен, в течение года плена четырежды бежал. До пленения «за прежние бои получил три бумажки с благодарностью от командования да две медали «За отвагу». [1]. Совокупность этих средств художественно убеждает читателя не только в невиновности, но в скромности, благородстве и истинном героизме главного персонажа.

В обеих повестях лишь эскизно намечено будущее время. Герои строят планы, мечтают о будущем: «Приглашу тебя в гости ... Накроем стол в садике, самовар раздуем» [1]. Знаменательно, что этим мечтам не суждено осуществиться – спустя час строивший эти планы Желтых погибает. Сложны взаимоотношения с будущим у Ивана Терешки. «Конечно, придет время... люди испытают великую радость братства, свободную, без границ и запретов, любовь, - только вряд ли суждено им с Джулией дожидаться этого... А почему? Почему человек не может иметь маленькой надежды на счастье, ради которого рождается на этот свет и к которому всю жизнь стремится?» [1, А.Б., XXI, 56]. Автор решает прервать жизнь своего героя на самой высокой ноте. Но смерть героя не означает конца. Границы времени и пространства раздвигаются до необъятности в лирических сценах: «Время, казалось ему, остановилось, ... И земные недра, и горы, и могучие гимны всех потоков земли согласно притихли, оставив в мире только их двоих» (А.Б., XX, 53).

На протяжении всего повествования в «Альпийской балладе» сохраняется временная дистанция между читательской современностью и происходящим в произведении. Но письмо Джулии — эпилог перебрасывает мост в «сегодняшний» день. Время написания письма и время написания повести совпадают. Художественная условность перерастает в реальность. Доброту и героизм Ивана Терешки, несмотря на его гибель, помнят до сих пор, в нашей, реальной жизни.

Художественное пространство повестей не менее значимо, чем время. Стремясь придать документальность, автор всегда точно указывает место происходящего: «фланг огромного фронта в Румынии» [1, 6], зажаты горными кряжами Альп австрийский городок и Лахтальские Альпы.

Роль пространства в сюжете повестей различна. Все действие основного временного плана в «Третьей ракете» сосредоточено практически в одной точке и приковано к пушке. Пространственная ограниченность связана с превращением пространства из совокупности заполняющих его вещей в язык художественного моделирования. Действие возвращается к исходной точке: «я подсказываю к Задорожному, готовый ринуться в драку, как тогда ночью *на этом самом месте*» [1]. Но если сутки назад драка между этими же персонажами была обусловлена в значительной мере личными чувствами, то теперь героем движет чувство справедливости. Подчеркнутая пространственная и временная неподвижность высвечивает этическую подвижность героя: «кажется, с утра прошла целая вечность и пережито столько, что иным хватило бы на весь век» [1].

В «Альпийской балладе» герои все время движутся. Вся схема сюжета переплетается с мотивами местности. Но «открытость» пространства кажущаяся. Художественное пространство этой повести линейно; оно не безгранично, а представляет собой обобщенную возможность движения от исходной точки к конечной. Дорога становится художественным символом. Большинство пейзажных зарисовок служит средством обозначения этапов пути, фиксирует продвижение героев к намеченной цели: «На фоне чуть светлого неба чернели гигантские близнецы ближней вершины, а за ней — другая, пониже. В седловине, вероятно, был перевал, туда и вела тропа» [1]. На этой теме держится и фабульный интерес. Цель оказывается недостигнутой: мотив западни и пропасти трагически замыкает символику дороги. Но движение многозначно: оно получает темпоральный признак, а движущийся в нем персонаж — черту внутренней эволюции. Существенным свойством нравственного линейного пространства становится наличие признака «высоты»; герои совершают восхождение в прямом и переносном смысле.

Примененное писателем изображение времени и пространства позволяет максимально лаконично и убедительно раскрыть характер человека в экстремальной ситуации.

Список литературы:

1. Быков В. Повести. Днепропетровск.: Проминь, 1987
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. Сборник. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Гимпелевич З. Василь Быков: Книга и судьба. М., 2011.
4. Капельчук К. А. Художественный и исторический хронотоп: проблема дополнения // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. 2013. Т. 2. №2. С. 94-105.
5. Повалко П. Ю. Структура семиотической категории времени в художественном тексте (на материале романа А. Кабакова "Невозвращенец") // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №4. С. 1237-1248.
6. Скуднякова Е. В. Особенности организации пространства и времени в повести ИС Тургенева "Призраки" // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. ИЯ Яковлева. 2019. №4 (104). С. 94-99.
7. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск, 1999. 877 с.

References:

1. Bykov, V. (1987). Povesti. Dnepropetrovsk. (in Russian).
2. Bakhtin, M. M. (2000). Epos i roman. Sbornik. St. Petersburg. (in Russian).
3. Gimpelevich, Z. (2011). Vasil' Bykov: Kniga i sud'ba. Moscow. (in Russian).

4. Kapel'chuk, K. A. (2013). Khudozhestvennyi i istoricheskii khronotop: problema dopolneniya. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. AS Pushkina*, 2(2), 94-105. (in Russian).

5. Povalko, P. Yu. (2017). Struktura semioticheskoi kategorii vremeni v khudozhestvennom tekste (na materiale romana A. Kabakova "Nevozvrashchenets"). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 8(4), 1237-1248. (in Russian).

6. Skudnyakova, E. V. (2019). Osobennosti organizatsii prostranstva i vremeni v povesti IS Turgeneva "Prizraki". *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. IYa Yakovleva*, (4 (104)), 94-99. (in Russian).

7. Gritsanov, A. A. (1999). Noveishii filosofskii slovar'. Minsk. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 30.04.2024 г.

Принята к публикации
09.05.2024 г.

Ссылка для цитирования:

Абдусаматова Л. Х. Художественное время и пространство в повестях В. Быкова // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №6. С. 751-755. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/103/93>

Cite as (APA):

Abdusamatova, L. (2024). Artistic time and Space in the Stories of V. Bykov. *Bulletin of Science and Practice*, 10(6), 751-755. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/103/93>